

8
Д.Х.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

72 6

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

5

1950

СОДЕРЖАНИЕ

Пять лет победы над фашистской Германией	3
--	---

СТАТЬИ

Самсонов А. — Великое Сталинградское сражение	16
Лалин Н. — Англо-американские фальсификаторы истории второй мировой войны	37
Нарочницкий А. — К вопросу о японской агрессии в Корею и причинах японо-китайской войны 1894—1895 гг.	61

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Пьянков А. — О периодизации истории феодальных отношений в России	77
Иванов П. — К вопросу о «просвещённом абсолютизме» в России 60-х годов XVIII века	85

СООБЩЕНИЯ

Альперович М. — Империалистическая политика США в Мексике в 1913—1914 гг.	100
Карасик А. — Древнейшая Болгарская летопись	114

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Мизиано К. — Годовщина революции 1848—1849 гг. в Италии и основные течения её новейшей историографии	119
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

Степанов Н. — История Якутии. Т. I	134
Погребинский А. — Ф. А. Романов. Рабочее и профессиональное движение в годы первой мировой войны и второй русской революции	139
Монгайт А. — Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II	142

Всеобщая история

Вобликов Д. — Ф. Фонер. История рабочего движения в США от колониальных времён до 80-х годов XIX века	145
Архангельский С. — Доброе старое дело. Английская революция 1640—1660 годов	149

БИБЛИОГРАФИЯ

Богданов В. — Генералиссимус Александр Васильевич Суворов	152
---	-----

ХРОНИКА

Львова В. — К 80-летию со дня рождения В. И. Ленина	154
Коробочко А. — Научная работа исторических кафедр Гомельского государственного педагогического института имени В. П. Чкалова	155

ЗА РУБЕЖОМ

Частухин ² И. — Состояние исторической науки и научных учреждений в Корейской народно-демократической республике	156
---	-----

От редакции

В номере 4 журнала «Вопросы истории» за 1949 г. была опубликована информация (стр. 156—158) о сессии Института истории, языка и литературы Молдавского филиала Академии наук СССР. В информации, составленной заведующим сектором истории Н. Моховым, и присланной в редакцию директором Института тов. И. Чебаном, указывалось, что на сессии по докладу Н. Мохова «Вопросы периодизации истории Молдавии» было высказано мнение, что не следует говорить о национальном угнетении молдавского народа царизмом и что это мнение защищал, в частности, кандидат исторических наук Н. Березняков.

Н. Березняков представил в редакцию материалы, свидетельствующие о том, что его выступление было изложено Н. Моховым неправильно и что указанное выше мнение Н. Березняков не разделяет.

В № 4 за 1950 г. на странице 114, строка 5 снизу, нужно читать: «начиная с 1848 г.»

Радакционная коллегия:	П. Н. Третьяков (главный редактор), И. М. Волков,
	Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, М. Д. Каммари,
	А. И. Ковалевский, С. Ф. Найда, А. Д. Никонов,
	Б. К. Рубцов, А. Л. Сидоров, А. Д. Удальцов.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 647 Тел. Д 3-31-01

А — 04342. Изд. № 418. Заказ № 1300. Тираж 33 500 экз.

Подписано к печати 13/VI 1950 г. 10 печ. л. 68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

все материалы
о революциях 1848-1849 гг.:
<http://istmat.info/node/28559>

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Каролина Франческовна Мизиано

ГОДОВЩИНА РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 гг. В ИТАЛИИ И ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ ЕЕ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Столетие революции 1848—1849 гг. отмечалось в Италии в условиях острых классовых битв, в условиях, когда массы трудового народа, руководимые рабочим классом и его коммунистической партией, творят историю современной Италии.

Вторая мировая война, закончившаяся в результате решающих побед Советского Союза военным и морально-политическим крахом фашизма, привела в Италии к крайнему обострению противоречий капиталистической системы, расшатала позиции господствующих классов, изменила соотношение классовых сил в стране и создала почву для мощного демократического подъема.

Апеннинский полуостров стал одним из непосредственных объектов наступления американского империализма, опирающегося на чёрные силы Ватикана. Англо-американское вмешательство и давление Ватикана — оплота американского империализма — помогли обанкротившимся господствующим классам Италии сохранить основные позиции в стране. Эту помощь итальянские правящие круги оплачивают предательством, продажей национального суверенитета заокеанским империалистам. Таким образом, борьба итальянского народа за социальное обновление и демократическое развитие вновь, как и сто лет назад, слилась с борьбой за независимость и суверенитет родины.

Однако задачи, стоящие сегодня перед передовыми общественными силами Италии в борьбе за подлинную демократию, далеко выходят за пределы буржуазных или буржуазно-демократических лозунгов революции 1848—1849 годов. Рабочий класс — творец нового, самого прогрессивного общественного строя — призван осуществить исторические задачи огромного масштаба. В рамках этих задач найдут своё разрешение многие экономические, политические и национальные проблемы (ликвидация феодалных пережитков, социальные реформы, демократизация государственного строя и др.), выдвинутые в своё время ходом исторического развития, но не разрешённые буржуазными революциями эпохи Воссоединения.

Но чем значительнее историческая миссия, которую призван выполнить итальянский рабочий класс, тем важнее задача всестороннего учёта исторических уроков прошлого. Поэтому не случайно празднование столетия революции 1848—1849 гг., с её страстным призывом к национальному единству и независимости, с её республиканскими и демократическими движениями и порывами, имело в Италии далеко не только исторический интерес, а вошло, так сказать, в живую ткань политической борьбы.

Ещё до наступления годовщины стало ясно, что тень революции 1848—1849 гг. изрядно беспокоит итальянские господствующие классы. Это поспешил засвидетельствовать не кто иной, как Бенедетто Кроче, духовный отец «итальянско-идеалистической школы», восторженный приверженец умеренно конституционного режима. Ещё 6 ноября 1947 г в турийской «Gazzetta del Popolo» и одновременно в римской «Risorgimento liberale» появилось открытое письмо Б. Кроче, в котором маститый либеральный историк предупреждал об опасности «нелепых исторических фальсификаций» и объявлял абсурдной идею отменить в Италии столетие Коммунистического Манифеста, поскольку сто лет назад он «не успел ещё проникнуть в Италию»¹. Но и о самой революции не следовало бы вспоминать, уверял Кроче, ибо «после двадцатилетних блужданий и отступлений от прямого пути, за которыми последовала катастрофа,

¹ «Gazzetta del Popolo» от 6 ноября 1947 года.

итальянцы недостойны поднять взор на священный образ того года высоких идеалов и героических подвигов»².

Ту же мысль, хотя и лаконичней, выразил католический журнал «L'Ultima», озглавив статью некоего Марко Поло следующим образом: «Не будем праздновать 48-й год!»

Однако замолчать столетие революции 1848 г не удалось. Безуспешными оказались и попытки удержать празднование в рамках официальных церемоний, в которых за пустой риторикой явственно скрывалось стремление «приручить» революцию и «приспособить её» к духу христианско-демократического режима и предать забвению все ценное, что было создано борьбой народных масс в те далёкие бурные годы. Это представлялось итальянским правителям особенно необходимым в наши дни, когда мировая реакция в своём походе против национальной независимости и свободы наций заинтересована в ослаблении национального достоинства и патриотических чувств народа.

Показательно, что граф Сфорца, итальянский министр иностранных дел, один из наиболее рьяных проповедников буржуазного космополитизма, ещё год назад заявлял, что необходимо «исправить величайшую ошибку XIX века, состоявшую в том, что он принёс чрезмерную независимость народам». Недавно же он обрушился на «унию XX века», какой, по его мнению, является «миф об абсолютной суверенности национального государства».

Неудивительно поэтому, что итальянские правящие круги в своих официальных и полуофициальных выступлениях и церемониях праздновали не революцию 1848, а реакцию 1848—1849 гг., не Рисорджименто, а Антирисорджименто.

Однако оказалось невозможным приглушить голос широких демократических кругов страны. Годовщина революции 1848—1849 гг. была отмечена массовыми торжествами, выставками, собраниями; о ней говорилось в полемике, развернувшейся в парламенте и в печати. Героические даты и имена прогрессивных деятелей революции обрели невиданную ещё популярность в народе.

Борьба различных лагерей и течений вокруг годовщины революции 1848 г. не ограничилась политической сферой. Она нашла яркое отражение и в работах историков, представляющих различные идейные течения в области новейшей историографии революции 1848—1849 гг. в Италии.

Историческая литература, посвящённая революции 1848 г., обогатилась за последние годы большим количеством новых работ. Изданы монографии, коллективные труды, сборники документов, опубликованы доклады и речи, произнесённые на съездах историков (важнейшие съезды состоялись в Риме, Палермо, Милане, Перудже, Турине). Наиболее значительные публикации подготовлены Академией деи Лингв. Кроме того столетие революции 1848 г. широко отметили многочисленные журналы и газеты.

В рамках нашей статьи трудно дать сколько-нибудь исчерпывающий анализ всей этой литературы. Мы ограничимся обобщением основных течений и тенденций, характерных для новейшей итальянской историографии. Историография революции 1848 г. обогатилась не только количественно, но прежде всего качественно, главным образом работами итальянских коммунистов, среди которых совершенно особое место занимают труды основателя и вождя итальянской коммунистической партии Антонио Грамши.

В первые десятилетия, последовавшие за поражением революции 1848 г., многие политические деятели и историки, принадлежавшие к различным борющимся лагерям, спешили изложить свою концепцию революции, дабы отстоять позиции своего класса и своей партии как в предвидении новых, ещё более решительных боёв, так и в целях самооправдания перед судом истории. Но уже с 70-х годов XIX в. в силу конкретно-исторических условий развития Италии (воссоединившейся на базе компромисса между пришедшей к власти буржуазией и реакционными феодальными силами в стране) владело либерально-конституционное направление. Оно и создало ту фальсифицированную версию итальянского воссоединения вообще, революции 1848—1849 гг. в частности, которая через каналы официального преподавания стала «традиционной» концепцией итальянской историографии.

² «Gazzetta del Popolo» от 6 ноября 1947 года.

Основная цель этой либеральной историографии заключалась в том, чтобы «доказать», будто воссоединение Италии было достигнуто благодаря усилиям либерально-буржуазного лагеря и под эгидой Савойской династии. Пресловутая «школа» Бенедетто Кроче в конечном счёте также призвана была оправдать и узаконить сложившийся либерально-конституционный режим в Италии.

Большинство буржуазных историков предпочитало не останавливаться на политических и социальных проблемах революции 1848—1849 гг., на её демократических и республиканских лозунгах. В буржуазной научной историографии конца XIX и начала XX в. нет ни одной монографии, посвящённой специально этим «беспокойным» годам. Нет работ по истории «партии действия» — буржуазно-демократического течения воссоединения, сыгравшего, как известно, немалую роль в 1848—1849 годах. Буржуазная историография стремилась выхолостить демократическое содержание этого периода итальянской истории и представить его лишь как частный момент, как подготовительный этап воссоединения, осуществлённого якобы благодаря действиям «трезвой и сильной буржуазии» и при поддержке Савойской династии. Лагерь буржуазной демократии попытался дать сравнительно более объективное изложение хода событий, однако попытки буржуазных демократов в этой области практически были задавлены «официальной школой».

Следует отметить и стремление ряда историков радикального направления оставить проторённые дороги поверхностного и апологетического изображения революции 1848 г., расширив рамки анализа и приступив к исследованию социально-экономической истории этого периода. Под влиянием рабочего движения и распространения в Италии марксистских идей наметилась тенденция ревизии традиционных канонов. Однако даже лучшие работы этого направления оставались в плену эклектических, позитивистских концепций.

Итальянская буржуазная историография в целом, вращаясь в кругу идеалистических представлений, не сумела подойти к правильному освещению истории воссоединения Италии вообще, революции 1848—1849 гг. в частности. Не сумели разрешить эту задачу и историки-социалисты начала XX в., чьи статьи в «*Critica sociale*» или в «*Avanti!*» (органы итальянской социалистической партии) ставили себе целью дать новую, более прогрессивную трактовку истории воссоединения.

Вследствие всего сказанного подавляющее большинство работ ограничивалось изложением внешней истории революции 1848—1849 гг., весьма слабо изучалась экономическая история предреволюционных и революционных лет; в большинстве работ давались ошибочные, даже прямо фальсифицированные изображение и оценка действующих сил революции, её внутренних процессов и внешних лозунгов.

Вся буржуазная историография недооценивала роль народных масс в революции, извращённо изображала эту роль. В период фашистского господства в Италии до крайности обострились реакционные идеалистические тенденции буржуазной историографии. В историографии воцарилось апологетическое изображение роли «меча» Савойской династии, оправдание милитаризма, культа «сильной власти и сильной личности». «Муссолини усиленно стремится нажить капитал на героическом образе Гарибальди», — отмечал Г. М. Димитров на VII конгрессе Коминтерна.

Таким образом, при всём различии политических тенденций буржуазная историческая литература первой половины XX в. в Италии оказалась бессильной создать научную концепцию, объясняющую характер, движущие силы, причины возникновения и поражения революции 1848—1849 годов. «Историческое сознание господствующего класса — буржуазии, — говорится в предисловии к сборнику «1848 год», изданному итальянской компартией, — не превышает его искусства и способности управлять страной. Вот почему неизбежно наступает момент, когда не только задача продолжать прогрессивные традиции прошлого, но и задача осмыслить их и включить их в общие рамки органического развития переходит к новому классу, классу, призванному обновить общество»³.

Это положение целиком подтверждается на примере новейшей итальянской историографии революции 1848—1849 годов. Буржуазная историография попрежнему

³ «Quaderni di Rinascita». Il 1848 Raccolta di saggi e testimonianze, p. 5 (в дальнейшем «Quaderni di Rinascita»).

не едина в оценке революции, а отражает различные интересы различных слоёв буржуазного лагеря. По основной водораздел проходит сейчас не между отдельными её течениями, а между буржуазной историографией в целом и новой, научной историографией, создающейся на основе великого учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, учения, которому следуют итальянские коммунисты и которое Антонио Грамши первым сумел применить к решению теоретических и практических проблем итальянской истории.

В свете этого научного направления итальянской исторической мысли ещё более жалкими кажутся потуги консервативных и реакционных историков, которые пытаются с помощью фальсификации побороть историческую правду.

Речь идёт прежде всего о реакционном католическом направлении, вдохновляемом Ватиканом и опирающемся на поддержку правящей христианско-демократической партии. Мы уже отметили характер официальных церемоний по поводу столетней годовщины революции 1848 г. в Италии. В юбилейной исторической литературе наблюдались те же тенденции: попытки славословить реакцию 1848—1849 гг. и опорочивать всё подлинно ценное, что было создано революцией, перемежаются с попыткой создать новую «национальную версию» Рисорджименто, в которой, рассудку вопреки, католической церкви отводится почётная, даже прогрессивная роль в тогдашних событиях.

Остановимся на некоторых примерах. Католический журнал «*Humanitas*» в статье А. Феррабино «1848 год в зеркале христианской концепции истории» предаёт анафеме эту дату, являвшуюся, по его словам, этапом на «долгом пути, пройденном людьми Европы к какой-то обетованной земле, которая (попросту) могла бы быть определена как царство возрождённого язычества»⁴. Любопытна попытка обелить злейших врагов прогресса и революции в органе Ватикана «*Osservatore Romano*», который поёт дифирамбы папе Григорию XVI, утверждая, что последний не был противником «разума и свободы», или научного и технического прогресса»⁵.

Другая, близкая к Ватикану газета, «*Popolo*», из всех мыслимых и немыслимых тем 1848 г. избрала самую неожиданную, самую немыслимую — «Гуманизм Меттерниха»⁶. Наконец, журнал иезуитов «*La Civiltà Cattolica*» нашёл необходимым реабилитировать патера Тапарелли, которого-де несправедливо считали реакционером, тогда как на самом деле он содействовал делу объединения Италии. Смысл этого чудесного превращения становится ясным при первом же знакомстве со статьёй. Пытаясь доказать «патриотизм» патера Тапарелли, «*La Civiltà Cattolica*» не нашла иных аргументов, кроме восторженных ссылок на его так называемые «теоретические труды». Один из этихopusов, носящий заглавие «О национальности» и опубликованный в 1847 г., т. е. накануне самой революции, отстаивал следующий любопытный тезис: определённая группа людей (человеческое ядро) сохраняет свою национальную сущность и находясь под чужеземной властью; следовательно, независимость не является существенным условием развития национальности»⁷. Что и говорить, космополитические воззрения патера Тапарелли — приятная находка для правящих кругов Италии! Перечень «трудов» апологетов церкви можно было бы продолжить, но вряд ли они заслуживают серьёзного внимания.

Важнее остановиться на главном направлении буржуазной историографии, представленном значительной группой либеральных и прогрессивных историков, связанных с традициями буржуазной историографии, но вместе с тем испытывающих на себе влияние «новых времён».

Работы историков этого направления, изданные в последние годы, различны и по своей научной ценности и по своей политической окраске. Их объединяет одно: лишний раз они свидетельствуют о глубочайшем кризисе буржуазной историографии вообще, историографии революции 1848—1849 гг. в частности; о неспособности для неё задачи раскрытия смысла исторических процессов.

Конечно, глубокие сдвиги, происшедшие в стране, не могли не вызвать дальнейшей дифференциации и среди итальянских буржуазных историков. Одни из них ещё

⁴ A. Ferrabino. Il Quarantotto nel concetto storico cristiano. «*Humanitas*» № 1.

⁵ Цит. по «*Unità*» от 24 сентября 1948 года.

⁶ A. Saiffa. Umanità di Metternich. «*Popolo*» от 7 мая 1948 года.

⁷ Tapparelli. Della nazionalità. Цит по «*Quaderni di Rinascita*», p. 126.

сильнее почувствовали потребность отстоять любой ценой разработанную ими в течение десятилетий фальсификацию истории. Среди этих историков и их работ назовём Е. Рота «1848 год в итальянской и европейской истории», А. Монти «Италия в борьбе за свободу. Революционное трёхлетие 1846—1849», его же «1848 год и пять дней Милана, по неопубликованным мемуарам защитников баррикад»; Л. Маркетти «1848 год. Еременное правительство Ломбардии»; его же «Второе конституционное правительство Карла Альберта».

Другие историки под давлением мощного народного демократического движения не могли игнорировать назревшую потребность пересмотреть безнадежно устаревшие схемы, в силу которых, как указывал Грамши, «главными действующими лицами истории становятся абстрактные и мифологические персонажи — Федерация, Единство, Революция, Италия»⁸.

Наряду с разработкой новых архивных материалов исследования этих буржуазных историков отличаются тем, что, пожалуй, впервые они подошли к революции 1848—1849 гг. как к самостоятельной теме. Хотя они попрежнему увязывают её с позднейшим периодом, с воссоединением (1860—1870 гг.), они всё же не рассматривают революцию 1848 г. лишь как подготовительный эпизод, давший буржуазии возможность найти «наилучшую» форму воссоединения.

В некоторых работах делается попытка установить отличительные особенности процессов 1848—1849 гг., разобраться в их характере, расширить понимание «внутренней истории» революции. Отсюда интерес авторов этих работ к проблемам экономической истории и особенно к социальным движениям и лозунгам того периода. Здесь следует упомянуть работы историка Демарко «Закат папского государства. Папство Григория XVI» и «Одна социальная революция. Римская республика 1849».

Но тщетно стали бы мы искать в трудах этих буржуазных историков сколько-нибудь стройную научную концепцию, объясняющую характер, движущие силы и причины поражения революции. Наоборот, в буржуазной историографии наблюдается явное стремление запутать вопрос именно тогда, когда нужно перейти к выводам и оценкам. Нагляднее всего эти тенденции проявляются при трактовке одного из основных вопросов — о характере и содержании революции 1848—1849 гг. в Италии, с которым тесно связан и вопрос о движущих силах этой революции. Буржуазные историки нагромождают одну формулу на другую: некоторые из них называют её «первой унитарной революцией», другие — «национальной политической революцией», третьи — «национальной демократической революцией», наконец, более прогрессивные характеризуют её как «социальную революцию».

Однако, какое содержание вкладывают буржуазные исследователи в эти формулы? Часть из них вовсе не пытается их расшифровать, другие же обнаруживают при их расшифровке поразительную методологическую беспомощность и непонимание явлений, о которых они повествуют. Ещё более поразительное невежество проявляют буржуазные историки, когда пытаются вступить в полемику с марксизмом.

Впрочем, всё это не ново, и итальянским историкам из буржуазного лагеря небесполезно было бы напомнить, с какой уничтожающей иронией почти полвека назад Плеханов высмеял попытки Б. Кроче «разделаться с марксизмом».

Кстати говоря, тон этой новой полемики с марксизмом задал опять-таки Бенедетто Кроче, объявивший «несостоятельным» марксистский тезис, что революция 1848—1849 гг. являлась буржуазной революцией, отразившей назревшие потребности развития капитализма в Италии и стремления восходящего класса — буржуазии — утвердить в воссоединённой Италии своё экономическое и политическое господство. Кроче «глубокомысленно» пытается доказать, что определения «буржуазия», «буржуазная» вообще представляются «сомнительными» и не могут быть применены к целой исторической эпохе, ко всей «современной цивилизации», которая является результатом усилий человечества в его чистом виде⁹. Но Кроче обеспокоен и формулой «социальной революции».

В письме от 6 ноября 1947 г. Кроче, предостерегая от «нелепой фальсификации», писал: «Если во Франции политическая революция осложнилась проявлениями социаль-

⁸ A. Gramsci. Risorgimento, p. 60. Ed. Einaudi 1949

⁹ B. Croce. Etica e politica, p. 321. Bari 1931, а также «Conversazioni critiche», p. 214. Bari. 1939.

ной революции, то в Италии революция была исключительно политической и национальной, и редкие спорадические выступления пролетарского характера не имели равным счётом никакого значения»¹⁰.

Вслед за Кроче выступают его ученики. В первую очередь следует упомянуть выступление историка Пепе, дословно отстаивавшего этот тезис своего учителя на юбилейной сессии в Перудже. На той же сессии Джино Луццатто, возражая против марксистского освещения истории 1848 г., выдвинул смехотворный тезис о том, что активной силой, действовавшей в 1848 г. и на протяжении всей борьбы за воссоединение Италии, была отнюдь не буржуазия, а.. выходцы из средних классов (преимущественно интеллигенция); последние же, по мнению Луццатто, «не представляют собой буржуазию в том смысле, который мы сегодня придаём этому термину, поскольку такой буржуазии тогда не существовало»¹¹.

Чтобы дополнить ещё одним штрихом картину теоретической и методологической несостоятельности, какую являют собой рассуждения многих буржуазных историков, отметим невежественное «открытие» известного итальянского историка Е. Рота, выступившего в качестве составителя двухтомного издания «1848 год в итальянской и европейской истории»¹² и автора ряда статей, помещённых в этом издании, выпущенном к годовщине революции 1848 года.

В предисловии составителя издания Е. Рота ничтоже сумняшеся заявляет: «Карлу Марку пришлось быть свидетелем неудачи собственных прогнозов. Он предсказал, что революция будет иметь экономический характер, на самом же деле в ней созрел принцип национальности или умеренно-демократический идеал»¹³.

По утверждению буржуазных историков, революция 1848—1849 гг. не была ни буржуазной, ни социальной, она была... политической, национальной, унитарной и, в лучшем случае, демократической. Как будто национальный или демократический характер революции отрицает её социальное, буржуазное содержание! Не трудно догадаться, что в основе этой игры в понятия, этого упорного стремления найти противоречия там, где их не существует, проявляется столь же упорная тенденция отрицать классовый характер итальянского национально-освободительного движения, а главное — представить прошлое в виде мирного, идиллического развития, в котором не было ни классовой борьбы, ни социальных потрясений, а если, мол, «низы» и выдвигали социальные требования, то это всё же не нарушало общей картины «демократического единения» классов. «Объяснение революции 1848—1849 гг., — утверждает историк Титоне в своём докладе на миланской юбилейной сессии, — нельзя искать в фискальной политике или в угнетении, в нищете или в требованиях, предъявляемых одним классом общества другому», ибо отправным пунктом революции 1848—1849 гг. является не «ненависть, а любовь»¹⁴.

Столь же жалкое и нелепое «объяснение» причин революции мы находим и у историка Монти. Желая объяснить причины антиавстрийского восстания миланцев в 1848 г., Монти пишет: «Человек жив не хлебом единым, народы живут не только торговлей, промышленностью, железными дорогами, но в большой мере и идеалами, стремлением ко всему красивому и доброму и прежде всего свободой»¹⁵.

Развитию этого тезиса Монти посвятил свою книгу «Италия завоевывает свободу. Революционное трёхлетие 1846—1849 гг.». В предисловии он заявляет не без претензии, что книга эта предназначена стать «сражением за подлинную свободу, во имя которой боролись люди Рисорджименто» «Трёхлетие 1846—1849 — это последнее проявление революции 1789 г. Первоначально движение стремилось к завоеванию независимости, а лишь затем к свободе»¹⁶, — пишет Монти. И в этом обособлении независимости и свободы он видит одну из роковых причин гибели революции. Но о какой свободе идёт

¹⁰ «Gazzetta del Popolo» от 6 ноября 1947 года.

¹¹ «Quaderni di Rinascita», p. 140.

¹² E. Rota. Il 1848 nella storia italiana e europea. Vallardi. 1948.

¹³ E. Rota. Il 1848 — Generalità — problemi, figure. Цит. по «Quaderni di Rinascita», p. 129.

¹⁴ V. Titone. L'Italia nella Rivoluzione europea del «48». Цит. по «Quaderni di Rinascita», p. 138.

¹⁵ A. Monti. Il 1848 e le cinque giornate di Milano dalle memorie inedite dei combattenti sulle barricate. Цит. по «Quaderni di Rinascita» p. 137.

¹⁶ A. Monti. L'Italia alla conquista della libertà, p. 195. Milano. 1946.

речь? Ответ Монти гласит: «Главное в свободе, какой её понимали Маццини и люди Рисорджименто, была суверенность народа, проистекающая из суверенности человечества»¹⁷.

Тщетно стали бы мы искать в книге Монти формулировок, не повторяющих этих плоских общих мест буржуазной историографии. В работе, дающей поверхностный обзор событий революционных лет, изобилуют те же абстрактные категории — независимость, конституция, республика и др., лишённые конкретного социально-исторического содержания. Не спасают дело отдельные удаchi автора вроде приведённого в работе «1848 г. и пять дней Милана» документального материала, доказывающего существование в Милане секретного комитета, подготовившего мартовское вооружённое восстание 1848 года. В целом в обоих исследованиях Монти мы встречаем лишь однообразное повторение всё тех же концепций, с помощью которых либеральная историография, выхолащивая подлинное содержание событий, создаёт «гармоническую картину исторического развития, увенчанную «непревзойдёнными» усилиями и успехами Камилло Кавура»¹⁸.

Недалеко от Монти ушёл и известный историк Родолико. В отличие от других он не отбрасывает термины «буржуазная» и «буржуазный», но приходит к выводу, что во времена Рисорджименто речь шла не только о «погоне буржуазии за богатством, объясняющейся экономическими мотивами, а об усилении, направленном к интеллектуальному и моральному возвышению, во имя новых требований духа, новых ценностей жизни»¹⁹.

Перепевая таким образом старые идеалистические песни, современная итальянская буржуазная историография повторяет легенду о роли умеренной буржуазии и «патриотизме» Карла Альберта. Историк Маркетти дал целую серию работ, посвящённых событиям 1848 г. в Милане, отношениям Милана и Пьемонта и, наконец, второму конституционному правительству Карла Альберта. Вряд ли целесообразно останавливаться на оценке, данной Маркетти миланскому временному правительству, на его одобрительных отзывах о политике архимеренного Казати, на его панегириках Карлу Альберту. Всё это известно по старым образцам. Отметим лишь, что усилия Маркетти, Монти, Родолико и др. приобретают особый смысл в наше время, когда опозоренная Савойская династия свергнута итальянским народом и сегодняшними монархистам и либералам ничего не остаётся, как апеллировать к своим мнимым «заслугам» в прошлом.

Однако не все буржуазные историки придерживаются этих безнадёжно устарелых схем. Некоторые из них, оставаясь на тех же правых позициях, дают сравнительно более содержательную картину исторических событий 1848—1849 годов. Работы П. Пиери «Королевская война в долине По», А. Цигера «Операции отрядов добровольцев в 1848 г.», доклад известного историка Спелланзон на римской исторической сессии волей-неволей разоблачают роль савойской монархии, её династические происки, её пораженческую тактику в войне за независимость.

Касаясь вопроса о роли революции 1848—1849 гг. в создании единого итальянского государства, известный либеральный буржуазный историк Сальваторелли в работе «До и после 1848 года» отбрасывает версию о «злополучном эксперименте» и о том, что лишь Кавуру и Виктору Эммануилу удалось дать иной, «счастливый» оборот делу воссоединения. Сальваторелли вынужден признать нечто иное. 1848—1849 гг. в отличие от 60—70-х гг., пишет он, является периодом, когда сказалась «народная, революционная инициатива», в то время как в 60 х гг. восторжествовала инициатива «монархическо-консервативная». «Союз с Францией в 1859 г. был чем-то большим, чем просто практическое средство. Это было средство, с помощью которого можно было превратить итальянское национальное, народное дело в монархическо-правительственное предприятие»²⁰. Этот тезис интересен тем, что автор фактически признаёт демократические устремления революции 1848—1849 гг. и вместе с тем подходит к проблеме двух различных путей воссоединения Италии.

¹⁷ A. Monti. *L'Italia alla conquista della libertà*, p. 156.

¹⁸ Там же, стр. 18.

¹⁹ Цит. по «Quaderni di Rinascita», p. 139.

²⁰ Salvatorelli. *Prima e dopo il Quarantotto*. «Quaderni di Rinascita», p. 130.

При освещении революции 1848—1849 гг. Сальваторелли (также историк Вальсекки в своих докладах на юбилейной сессии Вольта и Палумбо в работе «Проблема труда в 1848 г.») проводит грань между двумя флангами буржуазии — умеренным и демократическим. Он изображает более объективно и на новых материалах колебания и трусость умеренных в ходе революции, их постоянное стремление к компромиссам с реакционными силами.

Интересны работы ряда историков, в частности Чиампини, который вопреки своим «симпатиям к умеренным» проливает новый свет на политические установки и практические действия умеренных буржуазных либералов в Тоскане. В работе Чиампини «Вклад в изучение истории 1849 г. в Тоскане», основанной на материалах из архива тосканского либерала Ридольфи, приведено много интересных документов, о которых можно судить хотя бы по следующей выдержке из письма Ридольфи к Джиоберти, как известно, предлагавшему объединить Италию вокруг папы Пия IX: «Я всегда твёрдо настаиваю, — писал Ридольфи, — на осуществлении моего плана, в результате которого папе должно быть обеспечено первенствующее положение в Италии, но при этом он должен в дальнейшем воспользоваться тем огромным влиянием, которое он способен оказать на народы Италии с тем, чтобы уравновесить всякое другое влияние, крепко держать в руках массы и бросить их против чужеземцев, против республики, против коммунизма и против всяких эксцессов, которые в противном случае могут завладеть массами и двинуть их по пагубному для итальянского дела пути»²¹.

Ещё яснее Ридольфи выразил свои опасения в письме к римскому либералу Фарини. В этом письме он говорит о «тревожном будущем», которое, по его мнению, может наступить в случае «лёгкой победы» над Австрией: «Мы не должны терять из виду, что за нынешней политической революцией надвигается революция социальная»²².

Новейшая историография содержит немало новых доказательств того, что умеренные либералы в страхе перед народными массами предавали национальные интересы Италии. Отсюда их потребность опереться на Ватикан и на савойскую монархию, а также готовность к соглашению с бывшими противниками справа.

Умеренному крылу либеральной буржуазии историки противопоставляют буржуазно-демократическое течение (радикалов и республиканцев), за которыми они признают роль наиболее решительной, стимулирующей революцию силы.

Новейшая буржуазная историография мало что прибавляет к общей оценке буржуазно-демократического движения, известного по отдельным мемуарам современников и по книгам радикальных историков, вроде Больтона Кинг. Разве только что ряд историков более чётко ставит вопрос о слабостях буржуазно-демократического лагеря, подпавшего в конечном счёте под влияние умеренных либералов. Главный же порок этой историографии — игнорирование того, что буржуазно-демократическое движение 1848—1849 гг. должно рассматриваться в его различных и противоречивых аспектах, с учётом его классовой сущности и его исторических задач. Работа о «партии действия», отсутствие которой в итальянской исторической литературе было отмечено Грамши, ещё не создана; нет и работ, раскрывающих историческое значение и наследие таких деятелей, как Маццини, Гарибальди, Пизакане, Каттанео и др.

Наконец, как уже упоминалось, под влиянием происшедших в стране сдвигов и укрепления демократического фронта, а также под влиянием возросшего интереса масс к историческому прошлому страны ряд историков обратил внимание на неизведанные «участки» истории революции 1848 года.

За последние годы появились, например, работы, принадлежащие перу известных буржуазных историков: Ч. Барбагалло «Социальный вопрос в Европе в первой половине XIX века»; Н. Родолико «Поведение отдельных социальных групп в итальянском Рисорджименто», «Народные «низы» итальянской деревни в 1848 г.» и «Городские народные массы накануне 1848 года»; Р. Палумбо «Социальные мотивы 1848 г.»; Джеиноно «Коммунистические движения в Неаполитанском королевстве»; Демарко «Одна социальная революция. Римская республика 1849 г.»; Фризелла-Велла «Экономические аспекты сицилийской революции»; Вальсекки «Англия и Сицилия в 1848 г. Миссия лорда Минто (экономическое соперничество Англии и Франции)» и др.

²¹ Ciampini. Contributo alla storia del 1848 in Toscana. «Quaderni di Rinascita», p. 134.

²² Там же, стр. 135.

Мы, разумеется, далеки от того, чтобы переоценивать значение этих работ буржуазных историков, отмеченных пороками идеалистических и позитивистских представлений, как правило, беспомощных в методологическом отношении.

Тем не менее, к лучшей части вновь созданной исторической литературы может быть применена оценка, данная в своё время С. Д. Сказкиным работам группы итальянских историков — Анцилотти и др.²³

Много нового и интересного материала дала, например, работа прогрессивного историка Демарко «Одна социальная революция. Римская республика 1849 г.», являющаяся частью большого трёхтомного труда, посвящённого анализу экономической и социальной структуры папского общества, внутри которого развивался новый класс — буржуазия. Работа Демарко проливает новый свет на предисторию римской революции 1848—1849 годов. Первый том — «Закат папского государства» — охватывает первые десятилетия XIX в., причём особое внимание уделено периоду папства Григория XVI. Книга представляет интерес и в силу исходных позиций исследования и по содержащемуся в ней ценному фактическому материалу²⁴.

В работе, посвящённой Римской республике, Демарко скрупулёзно собирает факты, относящиеся к экономической и социальной истории этого периода, вскрывает требования различных социальных групп, стремясь доказать, что римская революция была делом рук не «маленькой группы восторженных интеллигентов», а определённых классовых сил — буржуазии и городских «низов»²⁵. Однако с обобщений и начинаются пороки методологических установок и общей концепции автора.

Работа, подчинённая анализу экономических и социальных явлений, лишена диалектического понимания процессов, их взаимодействия и развития. Так, Демарко не сумел соединить римскую революцию с общим потоком национально-освободительной борьбы итальянского народа и, следовательно, вскрыть более общие задачи римской революции. Изображая ход событий, требования и поведение различных классов в римской революции, не смог он и правильно оценить роль буржуазии и отдельных её прослоек в римской революции и вскрыть её отношение к узловым и решающим вопросам, поставленным ходом событий. Знаменательно, например, что в работе Демарко вовсе не затронута проблема аграрной революции. Следовательно, автор упустил главное, когда пытался объяснить слабость буржуазно-демократического движения и определить причины поражения революции.

Мы остановились на работах Демарко, поскольку его пороки характерны и для многих других буржуазных историков. При всём интересе, проявленном Демарко и другими историками к социальным проблемам и к движению «низов», роль и участие народных масс в революции не нашли в их работах правильного отражения.

Собранный Демарко фактический материал, проливающий новый свет на выступления «низов» в период римской революции, опровергает тезис буржуазной историографии о народе как о бессловесной массе, покорно идущей за своими вождями — «просвещёнными буржуа». Но автор не смог установить подлинное место, какое заняли «низы» в римской революции своей борьбой. Он не усмотрел в требованиях и выступлениях «низов» ту силу, которая, хотя ещё и не играла самостоятельной роли, всё же углубила и, при известных условиях, могла в значительной степени развить и двинуть вперёд римскую революцию. Демарко, как и другие буржуазные историки, не раскрывая подлинных связей «низов» с ведущим флангом движения, т. е. с буржуазными демократами, обходит один из основных вопросов истории революции: он не вскрывает стремления буржуазных демократов обуздать движение масс, особенно крестьянства, что ограничивало участие крестьянских масс в революции.

Это тем более важно, что при освещении этой центральной проблемы революции 1848—1849 гг. буржуазные историки пытаются переложить ответственность за неудачу революции с плеч буржуазии на народ. Отмечая размах выступлений «низов», они предъявляют народным массам те же обвинения, которые умеренные либералы когда-то

²³ Как указывал С. Д. Сказкин, эти историки, «выступив против традиционной истории Risorgimento с её папыщенной патриотической декламацией, дали много нового и интересного материала». С. Сказкин. Кавур и воссоединение Италии. «Историк-марксист» № 5—6 за 1935 год.

²⁴ D. Demarco Il tramonto dello stato pontificio. Ed. Einaudi. 1949.

²⁵ D. Demarco. Una rivoluzione sociale. La repubblica di Roma 1849. Napoli. 1944.

адресовали буржуазным демократам, а именно, что последние нарушали единство приверженцев «национального дела», вызывали среди них разброд. Так, например, Сальваторелли в работе «Очерки истории Европы» заявляет, что национальные и политические (т. е. буржуазные) задачи революции полностью совпадали, а социальные требования (т. е. требования масс) вступали с ними в конфликт и «порождали, с одной стороны, безразличие к национальным и политическим проблемам революции, а с другой — беспокорность и неприязнь у всех тех, кто принадлежал к имущим классам и так или иначе был заинтересован в сохранении порядка и социального мира»²⁶.

В докладе на юбилейной сессии, посвящённой Вольта, Сальваторелли старательно подчёркивал «теснейшую связь», которая существовала между страхом перед политической демократией и страхом перед социальной демократией; «вследствие этого, говорю, первая была отвергнута... поскольку полагали, что она расчищает путь второй»²⁷.

Таким образом, изучение социальных проблем и движений 1848—1849 гг. служит для буржуазной историографии средством реакционной фальсификаторской проповеди о том, что в поражении национальной революции 1848—1849 гг. повинны массы, напугавшие буржуазию своими требованиями.

После всего сказанного становится ещё более ясным, что научная историография революции 1848—1849 гг. может быть создана лишь теми историками, которые, становясь на позиции передового класса, анализируют процессы итальянской истории на основе подлинно научного метода марксизма.

Эту задачу сформулировала итальянская коммунистическая партия устами Тольятти. «Необходимо восстановить историческую истину, — говорил Тольятти на партийной конференции во Флоренции в 1947 г. — Необходимо показать, что история Италии есть история классовой борьбы, что её прошлое было отмечено стремлением наиболее передовых прогрессивных сил буржуазии, крестьян, рабочих к демократизации Италии. Необходимо далее определить, какие национальные традиции будут нами продолжены и какие отвергнуты, поскольку они не являются нашими традициями и представляют сегодня свищевые гири, привязанные к ногам итальянского народа»²⁸.

Показателем того, какое большое значение придаёт коммунистическая партия Италии изучению исторического прошлого страны, служит внимание, которое было уделено коммунистической партией столетию революции 1848—1849 годов.

По инициативе коммунистов началась теоретическая разработка проблем революции 1848—1849 гг. — принципиально новый этап в итальянской историографии, этап научной марксистской разработки истории воссоединения Италии вообще, революции 1848—1849 гг. в частности.

Важнейшим вкладом в развитие научной историографии явились опубликованные за последние годы сочинения Антонио Грамши, куда вошли его отдельные работы, философские и исторические тетради, записи, рецензии, письма. «Письма из тюрьмы» — так называется первый том; за ним следуют четыре других: «Исторический материализм и философия Бенедетто Кроче», «Интеллигенция и организация культуры», «Рисорджименто» и, наконец, «Заметки о Маккиавелли, о политике и о современном государстве». В своей совокупности это работы огромного масштаба, затрагивающие сложнейшие проблемы, творчески осмысливающие целые эпохи итальянской истории и раскрывающие смысл и значение важнейших исторических событий и историческую роль выдающихся деятелей прошлого. «Господа из Особого Трибунала, — отмечал Тольятти, — которым был дан приказ не допустить, чтобы этот мозг действовал в течение ближайших двадцати лет, полагали, что они наилучшим образом выполняли этот приказ: они бросили Грамши в тюрьму, установили за ним строжайшее наблюдение и сделали жизнь его невыносимой. Но именно из этой тюрьмы вышли в свет 2800 страниц — плод вдумчивого труда, кропотливого труда учёного, который взвесил и обдумал каждое слово»²⁹. Работы А. Грамши, наносящие смертельный удар идеалистическим течениям

²⁶ Salvatorelli. Profilo della storia d'Europa, p. 1001 «Quaderni di Rinascita», p. 382.

²⁷ Salvatorelli. Bilancio del Quarantotto. «Quaderni di Rinascita», p. 191.

²⁸ P. Togliatti. Discorso alla Conferenza di Firenze del Partito comunista italiano. «Unità» от 12 января 1947 года.

²⁹ P. Togliatti. Discorso all'Università di Torino «Unità» от 1 мая 1949 года.

итальянской историографии, дают новую концепцию истории Италии, основанную на материалистическом понимании истории.

Грамши беспощадно разоблачил буржуазную историографию, тенденциозно изборающую процесс создания итальянского национального государства. Он вскрыл классовую сущность этих фальсификаций и призвал изучать историю Италии не как развитие абстрактных понятий, а как живую историю борьбы классов, с учётом «всех объективных условий — международных и национальных, в силу которых национальное воссоединение стало исторически конкретной, реальной задачей (т. е. не только возможной, но и необходимой)»³⁰.

Грамши не раз возвращается к истокам Рисорджименто, остро полемизируя с буржуазными историками, выводившими движение итальянского народа из сознания необходимости «культурного единства», либо одного лишь стремления к независимости от иноземного владычества. Весьма интересны замечания Грамши о роли внешних факторов, в частности о влиянии французской буржуазной революции конца XVIII в., бесспорно углубившей общественные движения в Италии. Однако главным предметом анализа Грамши являются объективные и субъективные условия итальянской действительности. Говоря об истоках Рисорджименто, Грамши указывает на слабость итальянской экономики. Капитализм, пишет он, тогда находился ещё в стадии возникновения, ещё не существовал экономически сильный класс буржуазии. «Проблема, следовательно, заключалась не столько в том, чтобы освободить уже развитые экономические силы от отживших свой век феодальных юридических и политических пут, сколько в том, чтобы создать общие условия, дабы эти экономические силы могли возникнуть и развиваться по образцу других стран»³¹.

В освещении хода событий и оценке поведения различных общественных и политических сил Грамши следует развитому Лениным принципу партийности науки. Грамши утверждал: «Если писать историю означает делать современную историю, то велика та историческая книга, которая в современной действительности помогает развивающимся силам лучше осознать себя и стать, следовательно, более конкретно-активными и действенными»³².

При освещении исторических событий Грамши решительно и страстно отстаивает точку зрения рабочего класса, интересы его борьбы против реакционных классов. Прошрое для него является источником ценного исторического опыта. Так он подходит и к революции 1848—1849 гг., рассматривая её как «узловой исторический этап», поскольку «события тех лет являются типичными для изучения социальных и политических сил итальянской нации»³³.

Грамши не удовлетворяется констатацией того факта, что в условиях феодальной, раздробленной Италии главной пружиной прогресса была буржуазия. Он ставит важный вопрос: как осуществляла итальянская буржуазия выпавшую на её долю историческую функцию — политическое руководство делом формирования наций и итальянского государства? Грамши различает в среде буржуазии различные течения: умеренных, неогвельфов (либералы-католики) и левых демократов или «партию действия» (мадзинисты и др.). Умеренные предстают в его работах в подлинном свете. Экономически они связаны с высшими классами — это представители верхних слоёв интеллигенции и вместе с тем руководители предприятий, крупные помещики или управляющие именьями, предприниматели, торговцы и т. д.

«Либералы», приверженцы Кавура, — пишет Грамши, — „понимали единую Италию как расширение пределов пьемонтского государства и владений династии, не как национальное движение «снизу», а как королевское завоевание»³⁴.

Грамши решительно разоблачает политику умеренных в 1848—1849 гг., отмечая, что правые умеренные «не сумели дать национальному движению ни политического, ни военного направления». Более того, он ставит законный вопрос: не было ли поражение национально-освободительной войны подготовлено людьми вроде либерального лидера д'Адзелио? На примере катастрофы в Новаре он вскрывает подлинные клас-

³⁰ A. Gramsci. Risorgimento, p. 51.

³¹ Там же, стр. 46.

³² Там же, стр. 63.

³³ Там же, стр. 107.

³⁴ Там же, стр. 46.

совые причины военных неудач Пьемонта «Важно подчеркнуть направление военной политики пьемонтского правительства, — пишет он в другом месте, — правительства, которое предпочитало поражение всеобщему итальянскому восстанию»³⁵ «Политика умеренных, — указывает Грамши, — задержала воссоединение на несколько десятилетий»³⁶

Большое место отводит Грамши левому флангу — буржуазным демократам, «партии действия», которую он противопоставляет умеренным как «элемент, в большей мере являвшийся подлинным национальным»³⁷. Он не умаляет заслуг итальянской буржуазной демократии, отмечая «безусловное значение, которое «партия действия» имела в развитии событий» Грамши при этом ссылается на демократические достижения 1848—1849 гг. в Тоскане, Венецианской области, в Риме, Ломбардии; по его словам, миланские «пять дней» были по существу «демократической революцией». Он указывает также на позднейшую гарибальдийскую кампанию «тысячи»³⁸.

Однако, вскрывая причины неудачи 1848—1849 гг., Грамши подчёркивает, что ответственность за это падает не только на умеренных, которых он считает основными виновниками неудачи, но и на «партию действия», поскольку поражение революции в конечном счёте было вызвано «незрелостью и весьма ограниченной способностью классов, стоящих у руля, осуществить свою руководящую роль»³⁹.

В чём видит Грамши несостоятельность и неспособность итальянской буржуазии в 40—70-х годах? Прежде всего в том, что она не сумела стать во главе народа. У народа не оказалось подлинного руководителя — это центральный тезис в концепции Грамши. К вопросу о руководстве, о партии и задачах революции он многократно возвращается и, следуя гениальным указаниям Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина, вскрывает основные причины поражения революции 1848—1849 годов. «Чтобы изгнать австрийцев и их итальянских приспешников, — указывает Грамши, — необходимо было, чтобы существовала: 1) сильная, однородная и последовательная итальянская партия; 2) чтоб эта партия обладала конкретной и чётко разработанной программой; 3) чтоб этой программе было обеспечено сочувствие широких народных масс (которые тогда могли быть только крестьянскими) и чтоб она научила их восстать «одновременно» во всей стране. Только глубина народного движения и одновременность народных наступлений могли обеспечить поражение австрийских войск и их пособников»⁴⁰.

В этой связи Грамши сопоставляет Италию XIX в. с Францией времён французской буржуазной революции и констатирует, «что в Италии отсутствовал присутствующий французской буржуазной революции «якобинский фермент в классическом смысле слова».

Проводя эту параллель, Грамши, разумеется, учитывал различие исторических условий, существовавших во Франции XVIII и в Италии середины XIX столетия. Он напоминает, что в Италии революция принимала специфический характер борьбы против старых трактатов и существовавших реакционных международных порядков борьбы против иностранной державы — Австрии, которая олицетворяла эти порядки и поддерживала их в Италии. Но главное, «если в Италии не образовалась якобинская партия, то причины следует искать в области экономики, т. е. в относительной слабости итальянской буржуазии и в изменившемся после 1815 г. историческом климате Европы»⁴¹.

И далее: «Буржуазия уже (возможно) не могла распространять свою гегемонию на широкие народные слои, которые она сумела охватить своим влиянием во Франции, причём не по объективным, а субъективным причинам, так как воздействие на крестьян было, конечно, всегда возможным»⁴².

Продолжая проводить параллель с положением во Франции конца XVIII, а также и 40—50-х годов XIX столетия, Грамши делает следующее важное замечание: «Призрак,

³⁵ A. Gramsci Risorgimento, p. 110.

³⁶ Там же, стр. 92.

³⁷ Там же, стр. 46.

³⁸ Там же, стр. 122.

³⁹ Там же, стр. 94.

⁴⁰ Там же, стр. 118.

⁴¹ Там же, стр. 87.

⁴² Там же, стр. 88.

устрашавший Италию до 1859 г., не был призраком коммунизма, а призраком французской революции и террора, что же касается «панического страха», то это не был «панический страх» буржуа, а страх земельных собственников. Впрочем, коммунизм в пропаганде Меттерниха означал попросту аграрный вопрос и аграрную реформу»⁴³.

Таким образом, хотя «воздействие буржуазии на крестьян было, конечно, всегда возможным», даже передовые слои буржуазии (мадзинисты и др.) не поставили аграрный вопрос во всей его широте. «Это произошло потому, — отмечает Грамши, — что в этом плане «партия действия» рассуждала так же, как и умеренные, и считала «национальными» силами аристократов и собственников, а не миллионные массы крестьян. Только после 1853 г. Мадзини обнаружил существенные демократические пробелы (см. Переписку), но он оказался неспособным осуществить решительную радикализацию своей программы»⁴⁴.

Итальянская «партия действия» не сумела воспользоваться и другим великим примером якобинцев. В борьбе с внешним врагом она не прибегла к революционному террору, чтобы раздавить союзников этого врага внутри страны. «Партия действия», — отмечает Грамши, — сама находилась под влиянием атмосферы страха (панического страха перед возможностью террористического 1793 г., укрепленного французскими событиями 1848—1849 гг.)»⁴⁵.

Итак, в неспособности возглавить борьбу масс, т. е. главным образом крестьянства, и в недостатке революционного размаха — вот в чём была основная слабость демократического крыла итальянской буржуазии. Вот почему, подчёркивал Грамши, если обозреть весь период воссоединения, окажется, что в конечном счёте «партией действия» руководили умеренные.

Таким образом, революция 1848—1849 гг. в Италии, как и национально-освободительное движение XIX в. в целом, была лишена настоящей направляющей силы: буржуазия не сумела объединить вокруг себя народ и руководить его борьбой. Её узкий классовый эгоизм помешал тому, чтобы в Италии развернулась могучая народная революция, подобная французской.

Мы вынуждены оставить в стороне более общие темы итальянской истории и ряд других вопросов, по которым в работах Грамши имеются ценные замечания, оценки, характеристики. Упомянем лишь чрезвычайно интересное указание Грамши о необходимости глубокого изучения влияния Герцена на Карло Пизакане, что, по его мнению, весьма существенно для понимания мировоззрения Пизакане и других итальянских революционеров. Упомянем также чрезвычайно важный тезис о том, что итальянское национальное сознание формировалось через преодоление муниципальной ограниченности — партикуляризма и католического космополитизма. Грамши подчёркивал необходимость тщательного изучения аграрной политики Римской республики 1849 г., в частности подоплёки «экспедиции» Феличе Орсини: так называемый «бандитизм», вероятно, был не чем иным, как попытками крестьян захватить землю.

Как справедливо указывал недавно П. Тольятти, когда важнейшие принципы и выводы, сформулированные Грамши, станут достоянием итальянской интеллигенции и всего народа, тогда исследование истории Италии обретёт новый размах и содержание. Решающим для этого является усвоение итальянскими коммунистами основ марксистско-ленинского учения. В этом направлении работают сегодня итальянские коммунисты; об этом свидетельствуют, в частности, появившиеся в последние годы в коммунистической печати статьи и очерки, посвящённые общим и частным проблемам революции 1848—1849 годов.

Теоретические журналы компартии «Rinascita» и «Società» широко отметили годовщину 1848 г. не только специальными статьями, но и переводами основных произведений Маркса и Энгельса; опубликованы (впервые на итальянском языке) статьи русских революционеров-демократов Герцена и Добролюбова, относящиеся к этому периоду истории Италии.

Выше мы уже отмечали тот живой интерес, который проявляла коммунистическая печать к важнейшим датам и проблемам революции 1848 года. Наибольший интерес

⁴³ А. Gramsci. Risorgimento, p. 119.

⁴⁴ Там же, стр. 103.

⁴⁵ Там же, стр. 72.

представляет, несомненно, специальный сборник, изданный теоретическим органом компартии — «*Rinascita*» — под редакцией известного историка-коммуниста Гастоне Манакорда. Сборник включает около 20 статей, освещающих весьма широкую тематику — от наиболее общих проблем до тем, лишь косвенно отражающих бурные события тех лет.

Сборник открывается замечательной статьёй П. Тольятти, посвящённой столетию Манифеста Коммунистической партии. Необычайно широк охват темы: автор разоблачает «критические» построения современных идеологов итальянского империализма, пытающихся атаковать «Коммунистический Манифест», и противопоставляет этим жалким ухищрениям великую научную истину, возведённую и проповедываемую гениальным творением марксизма

В свете глубокого анализа всемирно-исторического значения «Коммунистического Манифеста» П. Тольятти подчёркивает всепобеждающую силу идей Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, воплощённых в победоносном движении к коммунизму на одной шестой части земного шара и направляющих сегодня борьбу за социализм миллионов людей во всех странах. История шествует неумолимо по пути, начертанному сто лет назад титанической мыслью Карла Маркса и Фридриха Энгельса, пишет в заключение П. Тольятти.

«Коммунистическому Манифесту» посвящён ряд статей, рассказывающих об истории его создания и обстоятельствах, при которых готовились и распространялись в Италии различные его переводы. Интересна статья Марио Алигьеро Манакорда «Маркс и Энгельс об итальянской революции 1848 г.». В приложении к ней собраны переводы отдельных статей и выдержек из произведений Маркса и Энгельса.

В общей части Сборника помещён также большой самостоятельный раздел из сочинения Грамши «*Рисорджименто*», в котором затронута проблема «политического руководства в формировании и развитии нации и итальянского современного государства».

Затем следуют очерки и статьи, трактующие отдельные моменты революции 1848 года. Среди них отметим прежде всего серию статей, в которых отдельные фазы и события революции 1848 г. изучены в свете развивавшейся классовой борьбы. Такова, например, статья Эмилио Серени (член ЦК Итальянской коммунистической партии), посвящённая, казалось бы, частной теме — «Поэзия Джусти и умеренное течение в Тоскане». На деле в этой статье разворачивается перед нами широкая картина тосканского общества, застывшего на полпути между отсталым феодальным Югом и Севером, уже в первой половине XIX в. ставшим на путь капиталистического развития. В центре анализа — аграрные отношения. Разбирая классовые позиции отдельных социальных групп, Серени определяет не только мировоззрение Джусти, но и показывает переплетение интересов крупной буржуазии, преимущественно земельной, с интересами монархических, консервативных сил. Он показывает, как страх перед «плебейской революцией», угрожавшей земельной собственности, толкал в консервативный лагерь и мелкую буржуазию, выступавшую сначала с «якобинскими» лозунгами, но впоследствии испугавшуюся возможности нарушения её интересов в деревне. Это характерно не только для Тосканы.

Статьи историков Франко делла Перута «Социальные аспекты революции на юге Италии» и Сальваторе Франческо Романо «1848 год в Сицилии» проливают свет на аналогичные процессы, происходившие в Неаполитанском государстве и Сицилии. Яснее становится не только поведение умеренных, но и характер демократического движения как в Тоскане, так и на Юге. Указанные статьи содержат также интересный материал о конкретных выступлениях народных низов, в частности крестьянства, сыгравших, вопреки традиционному буржуазному представлению, серьёзную роль в ходе революции. В этой связи нельзя не упомянуть и статью Стефано Канцио, озаглавленную «Классовая борьба в 1848 г. в Ломбардии».

Перечень статей и очерков, заслуживающих внимания, можно было бы значительно расширить. Разумеется, уровень отдельных статей не одинаков. Наряду с работами Тольятти и Серени, в которых дано глубокое марксистское разрешение темы, встречаются и статьи, не лишённые недостатков, и главное — не свободные ещё от влияния идеалистических и объективистских установок.

Вместе с тем Сборник в целом, как и отдельные работы, опубликованные в «Rinascita» и «Società», свидетельствуют о первых успехах в разработке марксистской истории революции 1848—1849 гг., и применении метода диалектического материализма при исследовании отдельных её проблем. Это особенно важно в Италии, где идеологическая борьба принимает всё более острые формы.

Разумеется, это лишь первые шаги. Экономическая история предреволюционных и революционных лет ещё не написана. Многие проблемы лишь затронуты, другие вовсе остались в тени. И среди них прежде всего проблема участия масс в революции 1848—1849 гг., как, впрочем, во всём Рисорджименто. Пора положить конец буржуазным фальсификациям, изображавшим народные массы либо «толпами разрушителей», либо «немыми статистами великолепной исторической эпопеи», созданной «просвещёнными буржуа». Пора установить во всей конкретности, что героические страницы революции 1848—1849 гг., от «Пяти дней Милана» до славной обороны Рима, написаны кровью итальянского народа. Надо отметить также, что поставленная Тольятти проблема преемственности демократических традиций итальянского народа и в связи с этим задача выявления прогрессивных демократических традиций прошлого Италии не нашли ещё должного разрешения. Между тем с нею связан вопрос об оценке прогрессивных движений и выдающихся деятелей прошлого как с точки зрения определения их подлинного демократического наследия, так особенно выявления того, что уже в прошлом служило препятствием для прогрессивного развития Италии, а сегодня, в новых исторических условиях, обрело откровенно реакционный смысл и содержание.

Усилиями историков-коммунистов итальянская историография революции 1848 г. нашла выход из того тупика, в котором в течение десятилетий пребывает буржуазная историческая наука. Мощное развитие демократического лагеря в Италии и прежде всего наличие сильной и боевой коммунистической партии, руководствующейся учением марксизма-ленинизма и ведущей героическую борьбу со всеми враждебными прогрессу силами реакционного лагеря в Италии, служит порукой тому, что подлинно научная итальянская историография будет создана.

Борьба на фронте исторической науки, являющаяся проявлением общей напряжённой классовой и политической борьбы в Италии, не может не послужить для советских историков напоминанием и стимулом к тому, чтобы они обратились к малоисследованным ещё у нас проблемам итальянской истории.

Вклад советских историков в освещение проблем итальянской истории тем более необходим, что передовая советская историческая наука поможет ускорить и углубить процесс разоблачения и опровержения буржуазных идеалистических фальсификаций и создания подлинно марксистской истории Италии вообще и истории революции 1848—1849 гг. в Италии в частности.

К. Мизиано
